

Секция I
**КИТАЙ: КУЛЬТУРА, ЯЗЫК,
РЕЛИГИЯ, ТРАДИЦИИ**

Д. В. Возчиков

Уральский федеральный университет

Образы войны в поэзии Вэнь Тяньсяна

Вэнь Тяньсян (1236–1283) по праву считается одной из наиболее ярких фигур среди китайских поэтов-сановников и поэтов-полководцев. В исторической памяти Китая он остался прежде всего как мужественный патриот-легитимист, до конца дней сохранивший верность династии Сун, однако поэтическое наследие Вэнь Тяньсяна, ставшего последним в плеяде поэтов Южносунской эпохи, заслуживает не менее пристального интереса, чем его полная событий трагическая биография.

В западной историографии значительное внимание уделяется раскрытию потенциала произведений Вэнь Тяньсяна как исторических источников (Дж. Джей¹, У. Теодор де Бари²). В отечественной синологии единственным исследованием, специально посвященным Вэнь Тяньсяну, остается статья академика В. М. Алексеева «“Песнь моему прямому духу” китайского патриота XIII века Вэнь Тяньсяна»³, написанная еще в 1941 г. К статье В. М. Алексеев приложил собственный перевод этого произведения. Личность и творчество Вэнь Тяньсяна остаются

¹ Jay J. W. *Memoirs and Official Accounts: the Historiography of the Song Loyalists* // Harvard J. of Asiatic Studies. 1990. Vol. 50, № 2. P. 589–612.

² Bary W. T. de. *Sources of East Asia Tradition: Premodern Asia*. N. Y., 2008. V. 1.

³ Алексеев В. М. Труды по китайской литературе : в 2 кн. М., 2002. Кн. 1. С. 523–533.

малоизученной темой в российском китаеведении. Немалые возможности как в реконструкции ментального портрета личности давно ушедшей эпохи, так и в изучении образной системы китайской поэзии, важным этапом развития которой была южносунская эпоха, дает понятие имажинарного, «система снов общества, снов цивилизации, трансформирующей реальность во вдохновенные духовные видения», по выражению видного французского медиевиста Жака ле Гоффа⁴. На примере использования поэтом-полководцем Вэнь Тяньсяном имажинарного арсенала Китая мы видим, какие примеры прошлого более всего вдохновляли интеллектуала до конца хранить верность уже павшей сунской династии, как воспринималась им война, одним из главных действующих лиц которой он был и которая в разных своих ипостасях стала основной темой его поэзии.

Вэнь Тяньсян, получивший классическое конфуцианское образование, занимал ряд высших постов в государственном аппарате южносунской империи, включая пост *чэнсяня* (канцлера). В 1275 или 1276 г. он был отправлен к монголам для переговоров о перемирии, однако проявил на переговорах неуступчивость и был схвачен, но сумел бежать. Вскоре после этого Вэнь Тяньсян возглавил военный поход против монголов, окончившийся поражением сунцев и пленом Вэня у юаньского полководца Чжан Хунфаня незадолго до гибели последнего сунского императора в 1279 г. Вэнь Тяньсян был привезен в ханскую столицу Даду (Пекин) и заточен в тюрьму, где написал одно из лучших своих произведений — поэму «Чжэн ци гз» («Песнь моему прямому духу»⁵). 9 января 1283 г. он был казнен за отказ служить Хубилаю.

В конфуцианской системе ценностей война характеризуется резко негативно. Такое отношение переросло в презрение ученого сановника к военному делу и воинам. Храбрость (*юн*), по мнению Конфуция, — качество, которое само по себе лишено моральной составляющей и может обернуться страшной угрозой: «Благородный муж, храбрый, но не знающий долга, вызывает смуту (*луань*)» («Луный»). XVII, 23). У Вэнь Тяньсяна завоевание Китая монголами изображается именно как *луань*⁶, катастрофа, гибель государства, разрушение вселенской гармонии и всей синоцентрической картины мира, когда земли Поднебесной оказываются под властью «варваров», «тигров и волков». «Смута» у Вэнь

⁴ *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков. М., 2011. С. 8.

⁵ 文天祥集. 太原. *Вэнь Тяньсян цзи* (Собрание сочинений Вэнь Тяньсяна). Тайюань, 2008. С. 148–149.

⁶ Там же. С. 116.

Тяньсяна — ключевое понятие, связанное с войной. Ассоциации войны с некитайским, чуждым, варварским закрепились в образной системе Китая в силу постоянных столкновений с кочевым миром.

Крупнейший поэт периода Северной Сун Су Ши (1037–1101), обличая военачальников, писал в докладе трону: «Любовь к войне напоминает мне любовь плотскую, сладострастье»⁷. Война, как и варвары, относилась китайскими интеллектуалами к области темного и необузданного. В имажинарном Китае персонажи и символы, непосредственно связанные с войной, действительно находились в тени более возвышенных образов государства, семьи и природы.

Вэнь Тяньсян в «Чжэн ци гэ» размышляет о природе праведности и описывает самые яркие, по его мнению, примеры проявлений праведного духа в истории: «В Ци он был доской хрониста, / В Цзинь был кисточкой Дун Ху, / В Цинь — был молотом Чжан Лана, / В Хань был славным стягом Су»⁸. Первым в этой галерее китайской героики представлен отнюдь не воин, а астролог-хронист (*тайши*) древнекитайского царства Ци, смело записавший в анналы факт убийства своего государя, несмотря на угрозы со стороны убийцы, могущественного временщика Цуй Чжу. Но фигурируют в ней и герои-воины, к примеру, знаменитый Чжугэ Лян или полководец танской эпохи Чжан Сюнь, который был столь полон гнева к врагу, мятежному военачальнику-«варвару» Ань Лушаню (что особенно оказалось близко поэту), что в ярости раскрошил собственные зубы. Для обозначения и преданности чиновника, и воинской доблести, также понимаемой именно как преданность, Вэнь Тяньсян использует конфуцианское понятие *чжэнь* — «прямота», «праведность», «непреклонность», умение оставаться неизменным при любых превратностях судьбы. Деяния всех двенадцати исторических персонажей, примеров мужества и верности, вошедших в имажинарное Китая, показаны поэтом как воплощения *чжэнь ци*, праведного духа, наполняющего вселенную. Праведный дух прописывает Небо и Землю, воплощается в горных пиках и реках, в небесных светилах, в этом же *чжэнь ци* — основа «трех устоев» (*сань ган*) на трех уровнях взаимоотношений внутри конфуцианского общества: отец — сын; правитель — чиновник; муж — жена. В отношении крайне полисемичного в китайской традиции понятия *ци* примечательно мнение поэта-монарха эпохи Троецарствия Цао Пи, который

⁷ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 551.

⁸ 文天祥集. 太原. Вэнь Тяньсян *ци*. Указ. соч. С. 148 (здесь и далее перевод мой. — Д. В.).

считал одухотворяющую все живое субстанцию ци не только жизненной силой и духовным началом человека, но и репающим моментом в литературном творчестве⁹. В предисловии (*сюй*) к «Чжэн ци гэ» Вэнь пишет, что вдохновился словами Мэн-цзы: «Я умею питать свой беспредельный дух» («Мэн-цзы». III, 2) и что один его «прямой дух» противостоит в темнице семи испарениям внешнего мира: сырости, духоте, грязи, жаре, злобонии гниющего зерна, тел измученных сокамерников и трупа¹⁰. *Чжэн ци* у Вэнь Тяньсяна в конце песни отождествляется с *гудао*, дао древности, что делает «прямой дух» великим источником творческой силы поэта, помогающей оставаться непреклонным и в бою, и перед лицом казни, и в заточении.

В поэзии Вэнь Тяньсяна образы войны представлены как через историческую судьбу страны, так и через судьбы семьи. Судьба семьи, мыслимая как отражение судьбы династии, государства и миропорядка, — тема сборника «Лю гэ» («Шесть песен»), который поэт-воин посвящает разлуке с семьей — любимой женой, расставание с которой Вэнь Тяньсян сравнивает с потерей фениксом-*фэном* своей супруги-*хуан*, сестрами, детьми и наложницами. Война как *луань* разрушает гармонию миропорядка на всех уровнях — губит государство и разлучает семьи. В этом цикле особенно явственно проступает автобиографизм лирики Вэнь Тяньсяна, и образы китайского имажинарного его усиливают, а не поглощают. Связь «война — разлука» чрезвычайно характерна для китайской поэзии со времен «Шицзина» (I, V, 8; I, XV, 3), однако сюжеты, в которых тоскующей, любящей выступала покинутая жена, более традиционны для темы супружеской любви и разлуки в классической поэзии.

Вэнь Тяньсян часто использует традиционный для китайской поэзии бестиарный код. Поэты Китая со времен Цюй Юаня привлекали в свой литературный зверинец как мифических драконов, уже упоминавшихся фениксов и цилиней, так и реальных животных, которых китайская традиция наделяла чудесной силой, — черепах, сов, лис. Бестиарные образы, связанные с войной, включают в основном свирепых хищников. Храбрые воины названы поэтом-полководцем «писю» — по имени могучего мифического зверя, изображаемого в виде крылатого льва¹¹. Образы хищников используются Вэнь Тяньсяном и для демонстрации грубости и жестокости завоевателей; о своем пребывании в плену у монголов полководец

⁹ Лисевич И. С. Мозаика древнекитайской литературы. М., 2010. С. 359.

¹⁰ 文天祥集. 太原. Вэнь Тяньсян *цзи*. Указ. соч. С. 148.

¹¹ Там же. С. 14.

пишет в цикле «Чжэньчжоу цзафу»: «Раз сорок солнце с луной встречали меня средь тигров и волков»¹². Хищники, воплощения агрессии и натиска, у Вэнь Тяньсяна призваны подчеркнуть как смелость китайских войск, так и грубость «варваров».

19 марта 1279 г. Вэнь Тяньсян находился на корабле в плену у юаньского полководца ханьца Чжан Хунфая¹³. В этот день он стал очевидцем кровавого морского сражения при Яшане, решившего судьбу сунской династии: в конце боя министр Лу Сюфу вместе с семилетним императором Ди Бином бросился в море. В стихотворении «Южное море» («Наньхай») Вэнь оплакивает гибель династии Сун и верного ей флота: «Павших воинов столько — / не сочтешь, что соломы в поле. / Даже волны морские / источают тления запах... / Дикий яростный ветер треплет злобно мои седины»¹⁴. Картина разгрома представлена им с натурализмом очевидца сражения. Ужас войны в китайской поэзии передается зрелищем непогребенных тел или «белых костей» (в частности, у Вэнь Тяньсяна¹⁵), поскольку в традиционных представлениях китайцев этот ужас состоял не только в гибели и опустошении, но и в том, что война лишала убитых возможности быть похороненными по ритуалу. Их души были обречены на скитания по земле в виде призраков-гуй, чьи страдания показывает Ду Фу в «Песни о боевых колесницах»: «Призраки недавно павших тщетно стонут, / Призраки давно погибших плачут»¹⁶. Примечательно, что юаньцы в стихотворении «Южное море» не фигурируют, побоище у Япзэня здесь напоминает стихийное бедствие. Смута-луань, которая смела династию Сун, обрушивается и на природу, и на народ.

Изображение войны в поэзии Вэнь Тяньсяна, отмеченное автобиографизмом и ярким авторским стилем, включает как картины жестокости, опустошения, бедствий страны и семьи, так и возвышенные образы носителей вездесущего «прямого духа». Один из самых знаменитых в истории Китая поэтов-воинов Вэнь Тяньсян после того, как был казнен за отказ служить новой династии, сам стал частью имажинарного Китая, отражающего систему отношений «человек — война», примером мужества и стойкости

¹² 文天祥集. 太原. Вэнь Тяньсян цзи. Указ. соч. С. 35.

¹³ Davis R. Wind against the Mountain: the Crisis of Politics and Culture in 13th Century China. Cambridge, 1971. P. 222.

¹⁴ Китайская классическая поэзия / пер. И. Смирнова. М., 2008. С. 170.

¹⁵ 文天祥集. 太原. Вэнь Тяньсян цзи. Указ. соч. С. 86.

¹⁶ 乐府诗集. 沈阳, 2008. Юэфу пицзи (Собрание юэфу). Шэньян, 2008. С. 288.

для потомков. В эпоху Мин в его честь был воздвигнут храм. Характерно, что в период правления династии Цин (иноземной, как и монгольская Юань) «Чжэн ци гэ» удалялась из официальных поэтических антологий. Ныне роскошный парк имени Вэнь Тяньсяна украшает Сянган. Метаморфозы имажинарного китайской культуры не прекращаются и сегодня.

Л. А. Горобец

Уральский федеральный университет

Даосизм в китайской фразеологии: культурологический аспект

Даосизм — национальная религия Китая. Зародившись на заре цивилизации, она была непосредственной участницей становления и развития Срединной империи, во многом определившим самобытность ее культуры. Представленная статья демонстрирует влияние даосизма на языковую действительность, ее фразеологическую составляющую.

Повышение интереса к китайской идиоматике в настоящее время связано с ростом популярности китайского языка, что в немалой степени определено активностью КНР на международной арене. При этом изучение иностранного языка не является самоцелью, но служит средством проникновения в иную культурную реальность и в конечном итоге собственного развития.

Рассматривая феномен даосизма, мы с определенной долей условности выделяем три базовых источника и составные части даосизма и общедоосской доктрины:

1. Учения ранних даосских мыслителей и их школы.
2. Архаичные верования, культы и практики народов Китая, давшие даосизму не только богатый материал мистического опыта, но и обширную религиозную методологию.
3. Древние представления, развившиеся в учение о бессмертии (сяньсуюе).

В исследовании мы собрали и провели культурологический анализ около 400 устойчивых выражений китайского языка, ассоциированных с даосизмом. Исходя из подхода, представленного выше, мы выбрали